

Мирьям Кохави

Чернила
на шёлке



Мирьям Кохави

Чернила на шёлке

«Автор»

2025

Кохави М.

Чернила на шёлке / М. Кохави — «Автор», 2025

Одиночество в сердце Сеула, тайна династии Чосон и любовь, победившая четыре столетия. Ли Соён — талантливый реставратор, привыкшая лечить раны времени на старинном шёлке и фарфоре. Её жизнь тиха и размеренна: она окружена безмолвными реликвиями и оглушительным одиночеством небоскрёбов Сеула. Всё меняется, когда в антикварной лавке на Инсадоне она покупает старинную кисть для каллиграфии. Случайное касание туши пробуждает духа, запертого в дереве более четырехсот лет. Ли Хвасон — опальный придворный художник эпохи Чосон, стёртый из летописей из-за смертельной тайны. Чтобы разорвать древнее шаманское проклятие, Соён и Хвасону предстоит стать учителем и ученицей, бросить вызов могущественному коллекционеру и выяснить, почему их встреча была предначертана ещё до того, как его душа погрузилась во тьму.

© Кохави М., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Глава 1. Тихая жизнь Ли Соён	5
Глава 2. Находка на Инсадоне	7
Глава 3. Голос из прошлого	9
Глава 4. Невозможный сосед	11
Глава 5. Условия сделки	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Мирьям Кохави

Чернила на шёлке

Глава 1. Тихая жизнь Ли Соён

Шёлк под пальцами был тонким и хрупким, как крыло высохшей бабочки. Он помнил четыреста лет рассветов и закатов, тепло человеческих рук и холод забвения. Ли Соён затаила дыхание, склонившись над старинным свитком. Свет настольной лампы выхватывал из полумрака мастерской её сосредоточенное лицо и тонкие иглы, зажатые в пинцете.

«Туман над горой Инвансан». Так называлась работа. Художник, чьё имя почти стёрлось из архивов, сумел поймать на шёлке тот самый миг, когда мир ещё не до конца проснулся, а очертания гор тонут в молочной дымке. Соён видела этот туман каждое утро из окна своей крохотной съёмной квартирки на двадцать пятом этаже, но он был другим — пронизанным неоновым светом и гулом просыпающегося Сеула. Туман на свитке дышал тишиной.

На шёлке, прямо у линии горизонта, темнела крошечная прореха — след неаккуратного хранения или, может быть, падения. Работа Соён заключалась в том, чтобы лечить такие раны. Она была реставратором, врачевателем времени. Для кого-то это были просто старые вещи, но для неё — застывшие истории.

Смешав в фарфоровой пиале рисовую пасту — пуль, — она подцепила пинцетом почти невесомый лоскуток бумаги ханджи, подобранный идеально в тон пожелтевшему шёлку. Движения её были медленными, выверенными, похожими на ритуальный танец. Она не дышала, когда прикладывала заплатку к изнанке свитка, аккуратно разглаживая её костяной палочкой. Шёлк вздрогнул и принял помощь. Рана закрылась.

Соён откинулась на спинку стула и позволила себе выдохнуть. Часы на стене показывали половину одиннадцатого вечера. За окном раскинулся Сеул — бесконечный океан огней, живущий своей, непонятной и оглушительной жизнью. Она переехала сюда три года назад из маленького прибрежного городка, полная надежд и амбиций. Получила работу в престижной частной мастерской, о которой мечтала. Мечта сбылась, но вместе с ней пришло оглушительное одиночество.

Город шумел, спешил, любил и ненавидел, а Соён проводила дни в тишине, беседуя лишь с тенями прошлого. Её друзьями были трещины на старинной керамике и выцветшие иероглифы на ветхих страницах. Она знала их секреты, чувствовала их боль, но они не могли спросить, как прошел её день.

Она встала, разминая затёкшую спину, и подошла к окну. Внизу проносились потоки машин, в окнах соседних небоскрёбов горели тысячи огней. За каждым из них была чья-то жизнь. Кто-то ужинал с семьей, кто-то смеялся с друзьями, кто-то ссорился с любимыми. А она стояла здесь, в своей тихой келье, и единственным живым существом рядом был фокус в углу.

Иногда ей хотелось крикнуть в это окно, просто чтобы услышать эхо.

Соён вздохнула и прошла на кухню, чтобы заварить себе чашку ячменного чая поричча. Его ореховый аромат немного успокаивал. Она не просто реставрировала чужие работы. Иногда, в редкие свободные вечера, она пыталась творить сама. В углу мастерской стоял мольберт с начатым пейзажем, но вдохновение покинуло её несколько месяцев назад. Рука стала какой-то чужой, неуверенной. Всё, что она делала, казалось бледной копией тех шедевров, что проходили через её руки.

Она отпила горячий чай, глядя на свой скромный набор для каллиграфии. Старая тушечница, дешёвая тушь и несколько кистей, купленных в канцелярском магазине. Может, дело в них? В инструментах, у которых нет души?

Художник, нарисовавший «Туман над горой Инвансан», наверняка писал кистью из волчьего волоса, с рукоятью из нефрита или сандала. Кистью, у которой была своя история. Кистью, которая сама вела руку мастера.

Эта мысль, неожиданно ясная и четкая, зажгла в ней искорку. Она устала чинить чужое. Ей захотелось создать что-то своё, пусть маленькое, но живое. И для этого ей нужен был правильный инструмент. Не просто кусок бамбука и ворса, а нечто большее.

Завтра суббота, её единственный выходной. Она поедет на Инсадон. Пройдётся по старым улочкам, заглянет в антикварные лавки. Просто так, без цели. А может быть, она найдёт то, что ищет.

Кисть. Кисть с историей.

Соён улыбнулась своим мыслям — впервые за весь вечер. Она ещё не знала, что история, которую она искала, окажется куда более реальной и опасной, чем она могла себе представить.

Глава 2. Находка на Инсадоне

Инсадон встретил Соён ласковым субботним солнцем и запахом жареных медовых лепёшек хотток. Этот район был островом прошлого в ревущем океане настоящего. Здесь небоскрёбы отступали, уступая место невысоким зданиям с черепичными крышами, а шумные проспекты сменялись узкими улочками, где время, казалось, замедляло свой бег.

Соён любила это место. Здесь она не чувствовала себя чужой. Шум толпы был не оглушающим, а убаюкивающим, похожим на шёпот. Она шла, не торопясь, позволяя потоку увлечь себя. В витринах магазинов переливались перламутром шкатулки, пестрели шёлковые веера и белели стопки бумаги ханджи, сделанной вручную. Из открытых дверей доносился тонкий аромат сандалового дерева и звон керамики.

Она не искала ничего конкретного. Сегодня она была не реставратором, а зрителем. Она любовалась каллиграфическими свитками, где один росчерк туши превращался в бамбуковую рошу или летящего журавля. Она провела рукой по гладкой поверхности селадоновой вазы, ощущая прохладу веков. Но ничто не задерживало её взгляд надолго. Всё это было красиво, но молчаливо. Это были экспонаты. А она искала собеседника.

Почти в самом конце главной улицы, в тени старого дерева гинкго, она заметила лавку, которую раньше не видела. У неё не было яркой вывески, лишь скромная деревянная табличка с иероглифами, означавшими «Чернильный камень». Дверь была приоткрыта, и изнутри веяло пылью и старым деревом. Что-то потянуло её внутрь.

Внутри было тесно и сумрачно. Солнечный свет едва пробивался сквозь заставленные полки, выхватывая из темноты стопки старых книг, тушечницы всех форм и размеров, каменные печати и связки кистей, свисающие с потолочных балок, как сушёные травы. За прилавком сидел седой старик в очках с толстыми линзами и дремал над газетой. Он даже не поднял головы, когда Соён вошла.

Она медленно пошла вдоль полок, вдыхая густой, пряный запах старой туши. Здесь было собрано всё, что нужно художнику или каллиграфу. Но большинство предметов выглядели так, словно ими не пользовались десятилетиями. Они спали.

Именно тогда она её увидела. Не на видном месте, а в дальнем углу, в простом деревянном пенале, среди десятка других, более простых кистей. Она была не самой красивой и не самой дорогой на вид. Рукоять была сделана из тёмного, почти чёрного дерева, отполированного до тусклого блеска бесчисленными прикосновениями. Но ворс... Ворс был идеален. Тонкие, упругие волоски, собранные в безупречно острый кончик, казались живыми.

Соён протянула руку и взяла её.

В тот же миг по кончикам пальцев пробежал лёгкий холодок, словно от прикосновения к ключевой воде. Кисть легла в её ладонь так идеально, будто была сделана по мерке её руки. Она была тяжелее, чем выглядела, её вес был приятным и основательным. Соён закрыла глаза. На одно мимолётное мгновение ей почудился тихий, как шелест шёлка, вздох и едва уловимый запах озона после грозы.

Она открыла глаза. Наваждение прошло. Но ощущение в руке осталось. Это было не просто дерево и ворс. В этой вещи чувствовалась жизнь. Чувствовалась история.

— Хороший выбор, — раздался за спиной скрипучий голос.

Соён вздрогнула и обернулась. Старик-хозяин стоял рядом и смотрел на кисть в её руке поверх очков.

— Она... она продаётся? — сбивчиво спросила Соён.

— Некоторые вещи ждут своего хозяина, а не покупателя, — загадочно ответил старик.

— Эта ждала долго. Очень долго.

Он забрал кисть из её рук, и Соён почувствовала укол потери. Он повертел её в своих морщинистых пальцах.

— Говорят, её сделал великий мастер для придворного художника. Но это, скорее всего, просто легенды, которые любят рассказывать старьёвщики.

Он назвал цену. Она была на удивление низкой для вещи, которая выглядела так благородно. Словно старик хотел не продать её, а просто передать в надёжные руки. Соён, не раздумывая, достала кошелек.

Хозяин лавки не стал заворачивать кисть в яркую бумагу. Он достал кусок простой льняной ткани и бережно обернул её, словно пеленая младенца, после чего перевязал бечёвкой.

— У хорошей кисти должна быть душа, — сказал он, протягивая свёрток. — Не забывайте с ней разговаривать.

Соён кивнула, хотя и не до конца поняла его слова.

Обратную дорогу она почти не помнила. Всё её внимание было приковано к тёплому, плотному свёртку в руках. Вернувшись в свою тихую мастерскую, она подошла к рабочему столу. Аккуратно развязала бечёвку и развернула ткань.

Кисть лежала на светлом дереве стола, тёмная и молчаливая. Она выглядела как простой инструмент, но Соён уже знала, что это не так. Она чувствовала её присутствие в комнате, как будто в её стерильном, упорядоченном мире появился кто-то ещё.

Она не стала пробовать её в тот же день. Поставила в стаканчик для кистей, отдельно от всех остальных, и просто смотрела на неё до самого вечера, пока за окном снова не зажётся враждебный и прекрасный океан сеульских огней.

Предвкушение чего-то нового, неизведанного, щекотало нервы. Завтра. Завтра она даст ей коснуться бумаги и туши.

Глава 3. Голос из прошлого

Ночь опустилась на Сеул густым бархатным покрывалом. Соён любила это время. Шум города стихал, превращаясь в далёкий, мерный гул, похожий на дыхание спящего гиганта. Только в эти часы мастерская становилась по-настоящему её миром, убежищем, где никто не мог её потревожить.

Свиток «Туман над горой Инвансан» был почти готов. Оставалось закрепить заплатку и деликатно тонировать её, чтобы она полностью слилась с фоном. Работа была почти ювелирной, требующей максимальной концентрации.

Соён приготовила всё необходимое: баночки с акварелью, палитру, тончайшие кисти. Но её взгляд то и дело возвращался к новому приобретению. Тёмная кисть стояла в стаканчике, гордая и обособленная, и, казалось, наблюдала за ней. Не в силах больше бороться с искушением, Соён отложила свою работу.

«Просто попробую, — сказала она себе. — Один штрих».

Она положила на стол чистый лист бумаги ханджи и достала старую тушечницу, подарок её учителя. Медленно, круговыми движениями она начала растирать в ней брусок сухой туши, добавляя по капле воду. Воздух наполнился горьковато-сладким ароматом, который всегда её успокаивал.

Когда тушь достигла нужной консистенции — чёрная, как ночь, и гладкая, как шёлк, — она взяла в руки новую кисть.

Дерево рукояти было тёплым и живым. Она обмакнула кончик в тушь. Ворс жадно впитал чёрную влагу, ни одна капля не упала мимо. Соён замерла над листом, собираясь с мыслями. Она не хотела рисовать что-то сложное. Лишь простую линию, чтобы почувствовать, как кисть слушается её руки.

Она провела черту.

Линия получилась безупречной — плавной, уверенной, меняющей толщину от малейшего нажима. Кисть была продолжением её пальцев, её мыслей. Соён улыбнулась. Это было именно то, что она искала.

Увлечшись, она нарисовала ещё несколько линий, пробуя разные техники. Тушь на её пальцах, которыми она придерживала бумагу, немного размазалась. Не обратив на это внимания, она отложила кисть и потянулась за салфеткой, чтобы промокнуть рисунок.

И в этот момент её испачканные тушью пальцы случайно коснулись рукояти кисти.

Комнату пронзила вспышка ослепительно-белого света, словно ударила молния. Воздух загудел, завибрировал, как натянутая струна. Соён вскрикнула и отшатнулась, задев стул. Он с грохотом упал на пол.

Свет погас так же внезапно, как и появился. Несколько секунд в мастерской стояла звенящая тишина. Сердце колотилось где-то в горле. Соён медленно подняла глаза, пытаясь понять, что произошло. Короткое замыкание? Галлюцинация от усталости?

И тут она увидела его.

Рядом с рабочим столом, там, где только что не было ничего, стоял человек. Вернее, не совсем человек. Его фигура была полупрозрачной, она мерцала и подрагивала, как изображение в раскалённом воздухе. Сквозь неё просвечивали полки с книгами.

Он был высок и строен. На нём была одежда, которую Соён видела только в исторических дорамах и на старинных свитках — тёмный ханбок учёного или придворного, с длинными рукавами и высокой шляпой кат. Лица она не видела — он стоял спиной к ней, медленно поворачивая голову и разглядывая мастерскую с явным недоумением.

Соён застыла, не в силах издать ни звука. Страх ледяными тисками сковал её тело. Это сон. Это точно сон. Или она сошла с ума.

Призрак — другого слова она не могла подобрать — сделал шаг. Его ноги не касались пола, он словно парил в нескольких сантиметрах над ним. Он протянул дрожащую, просвечивающую руку к настольной лампе, но пальцы прошли сквозь абажур, не встретив преграды.

Он издал тихий, сдавленный стон и резко обернулся.

Их взгляды встретились.

У него было лицо, которое, казалось, высекали из камня — резкие, благородные черты, высокие скулы, прямой нос. Но глаза... В его тёмных, почти чёрных глазах плескался такой ужас, такое непонимание и растерянность, что страх Соён на мгновение отступил, уступив место... замешательству.

— Где я? — его голос был тихим, с хрипотцой, будто он не говорил сотни лет. Он прозвучал не в ушах Соён, а скорее прямо у неё в голове. — Что это за комната? Что это за... колдовство?

Он указал на светящийся экран её ноутбука.

Соён открыла рот, но из горла вырвался лишь жалкий писк. Она попятилась назад, пока не упёрлась спиной в стену.

— Кто... кто вы? — наконец выдавила она, её собственный голос показался ей чужим.

Призрак нахмурился, его взгляд остановился на ней. В нём больше не было растерянности, только напряжённое, изучающее внимание.

— Ты... ты меня видишь? — спросил он с недоверием. — Ты можешь меня слышать?

Соён судорожно кивнула.

Он сделал ещё один шаг в её сторону. Соён зажмурилась, готовясь к худшему. Но ничего не произошло. Когда она снова открыла глаза, он стоял совсем близко. Он был так близко, что она могла разглядеть узор, вышитый на его одежде. Но она не чувствовала ни его тепла, ни холода. Ничего.

— Как... как это возможно? — прошептал он, глядя на неё, потом на свои полупрозрачные руки, а затем его взгляд упал на стол. На кисть.

Выражение его лица изменилось. Ужас и недоумение сменились проблеском узнавания, а затем — бездонной, всепоглощающей тоской.

— Кровь художника... — пробормотал он, глядя на её испачканные тушью пальцы. — «Кровь художника коснётся моего сердца»... Проклятие... оно сработало.

Он поднял на неё взгляд, и теперь в нём была отчаянная мольба.

— Скажи мне, дева, — произнёс он медленно, чеканя каждое слово. — Какой сейчас год от восшествия на престол династии Чосон?

Соён смотрела на него, на его старинную одежду, на его испуганные глаза, и пазл в её голове начал складываться. Безумный, невозможный, пугающий пазл.

— Династия... Чосон... — пролепетала она, — закончилась больше ста лет назад. Сейчас... сейчас 2025 год.

Лицо призрака исказилось болью. Он закрыл глаза, и его фигура замерцала так сильно, что на мгновение почти исчезла. Соён поняла, что перед ней не просто привидение. Перед ней была душа человека, запертая и потерянная во времени. И она, Ли Соён, только что повернула ключ в этой многовековой тюрьме.

Глава 4. Невозможный сосед

Две тысячи двадцать пятый.

Слова повисли в воздухе, тяжёлые и острые, как осколки разбитого зеркала. Призрачный художник пошатнулся, его фигура замерцала так сильно, что на миг он почти растворился в воздухе. Соён инстинктивно шагнула вперёд, словно могла его поймать, но вовремя остановилась.

— Ложь, — прохрипел он, в его голосе смешались гнев и отчаяние. — Это уловка. Демоническое наваждение!

— Это не ложь, — тихо, но твёрдо ответила Соён, обретая крупницы самообладания. — Посмотрите сами.

Она кивнула в сторону огромного окна. Не решаясь подойти, призрак медленно, словно во сне, подплыл к стеклу. И замер.

То, что для Соён было привычным ночным пейзажем, для него стало апокалиптическим видением. Бесконечные башни из стекла и стали, пронзающие небо. Огненные реки, текущие по асфальтовым руслам. Светящиеся вывески, кричащие незнакомыми символами и лицами. Ни одного черепичного ската крыши, ни одного бумажного фонаря, ни одной повозки, запряжённой волами.

— Ханян... — прошептал он, используя старое название Сеула. — Что с ним стало?

— Он вырос, — просто ответила Соён.

Он отшатнулся от окна, его лицо было пепельно-серым. Теперь он смотрел на предметы в комнате с новым, осмысленным ужасом. На ноутбук, который он назвал «колдовством». На электрическую лампу, изливающую ровный, безжизненный свет. На её смартфон, лежащий на столе.

— Что это за... говорящее зеркало? — спросил он, указывая на телефон.

— Это... телефон. Мы по нему разговариваем с людьми, которые далеко. И... смотрим картинки.

Абсурдность ситуации ударила по ней с новой силой. Она, Ли Соён, объясняет принципы работы смартфона призраку из династии Чосон.

Внезапно его фигура дёрнулась, и он со стоном схватился за грудь.

— Что с вами? — испугалась Соён.

— Оно... тянет, — выдавил он, глядя на кисть на столе. — Я не могу отойти.

Экспериментатор внутри Соён, привыкший проверять теории, взял верх над страхом. Она осторожно взяла кисть. Призрак тут же шагнул на полшага к ней, словно привязанный невидимой нитью. Она сделала шаг к двери — он последовал за ней. Она отошла в другой конец комнаты — он был вынужден проплыть за ней, его лицо исказилось от неприятного ощущения.

— Кажется, вы привязаны к ней, — констатировала она, возвращая кисть на стол. Призрак с облегчением выпрямился.

— Эта кисть... стала моей тюрьмой, — произнёс он глухо. — А ты, дева, стала моим тюремщиком.

Соён вздрогнула от его слов. Тюремщик? Она? Она просто хотела купить кисть, чтобы рисовать.

— У меня есть имя. Ли Соён.

— Соён, — повторил он, пробуя имя на вкус. — А я — Хвасон. Просто Хвасон.

Они замолчали. Тишину нарушал лишь гул холодильника на кухне. Хвасон дёрнулся, услышав этот звук.

— Что это за рычащий зверь?

— Это холодильник. Он... сохраняет еду холодной.

Хвасон посмотрел на неё как на сумасшедшую.

Осознание их положения медленно опускалось на них обоих. Они заперты вместе в этой маленькой мастерской. Он — пленник кисти. Она — пленница ситуации.

Ночь тянулась бесконечно. Соён задавала вопросы, пытаясь понять правила этого невозможного соседства. Хвасон отвечал неохотно, его разум всё ещё не мог смириться с реальностью. Она выяснила, что он не может ничего трогать, не чувствует ни тепла, ни холода, не нуждается в еде или сне. Он просто... есть. Вечный наблюдатель.

Когда на часах было уже три часа ночи, Соён поняла, что валится с ног от усталости и эмоционального истощения.

— Мне... мне нужно поспать, — пробормотала она.

Хвасон лишь кивнул, его взгляд был устремлён в одну точку. Он стоял у стола, рядом со своей клеткой-кистью.

Спать. Легко сказать. Как можно спать, когда в твоей комнате находится настоящий призрак? Её квартира-студия не предполагала никакого уединения. Она расстелила на полу свой спальный матрас-футон, стараясь не смотреть в его сторону. Улеглась и накрылась одеялом с головой.

— Дева Соён, — раздался его голос прямо над её ухом.

Она взвизгнула и села, сбросив одеяло. Хвасон парил над ней, с любопытством разглядывая её постель.

— Не делайте так! — закричала она шёпотом. — Вы меня до смерти напугаете!

— Прошу прощения, — он отплыл назад, выглядя немного смущённым. — Я лишь хотел спросить... Почему вы спите на полу? Разве у вас нет надлежащего ложа?

— Это и есть моё ложе! — огрызнулась она. — И у нас так принято. И вообще, давайте установим правила. Первое: не подплывайте ко мне, когда я сплю. И когда не сплю — тоже. Соблюдайте дистанцию.

— Дистанцию? — он недоумённо склонил голову.

— Да. Личное пространство. Хотя бы метр. Лучше два. Второе: не комментируйте всё, что я делаю. Моя еда, моя одежда, моя манера сидеть — это не ваше дело.

— Ваша осанка и впрямь оставляет желать лучшего, — не удержался он.

Соён запустила в него подушкой. Она пролетела сквозь его мерцающую фигуру и глухо ударилась о стену.

— И третье, — она подняла палец, тяжело дыша. — Мы должны выяснить, как вас отсюда убрать. Вернуть обратно. Или куда там отправляются духи.

Взгляд Хвасона снова стал потерянным.

— Я не знаю, — тихо сказал он. — Я помню только боль... и тьму. И слова шамана...

Он замолчал, не желая продолжать.

Соён устало опустилась обратно на фuton. Гнев испарился, оставив после себя лишь гулкую пустоту. Она больше не была одна в своей тихой жизни. В её мир вторгся невозможный сосед из прошлого, и теперь им обоим придётся как-то учиться жить с этим.

Она лежала с открытыми глазами, глядя в потолок. В комнате стояла тишина, но она больше не была умиротворяющей. Она была напряжённой, наполненной присутствием того, кто сидел у её стола и молча смотрел на кисть, ставшую его вечной тюрьмой.

Глава 5. Условия сделки

Утро пришло не как облегчение, а как продолжение кошмара. Соён проснулась от резкого солнечного света, пробившегося сквозь жалюзи. Первой её мыслью было: «Приснилось. Какой бредовый сон». Она села на футоне, потёрла глаза и огляделась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.